

A cinematic photograph of a rainy night street. A tall telegraph pole stands in the center, with a dense web of power lines crisscrossing the sky. A large, bright full moon is visible through the clouds. In the foreground, a street lamp glows, and a person in a dark coat is partially visible. The background shows a town with traditional buildings and a car on the wet street.

Искандер Арысов

Телеграфный столб

Искандер Арысов

Телеграфный столб

«Автор»

2026

Арысов И.

Телеграфный столб / И. Арысов — «Автор», 2026

Он был сиротой. Мать умерла, когда ему было семь. Отец, офицер разведки, бросил их, когда Ипполиту исполнилось пять. Ненависть к предателю стала его двигателем, гениальность — оружием. Ипполит Любарский, «Чайковский», один из лучших айтишников России, устраивается в Интерпол, чтобы найти отца. Но следы ведут не к человеку — к структуре. «Телеграфный столб» — теневая сеть, управляющая мировым правопорядком со времён нацистов. Она превращает людей в функции, семьи — в жертвы, правду — в молчание. Ипполит проходит путь от мести к прощению, от одиночества к пониманию, что семья — величайшее благо, даже когда её нет. Он разрушит столб. Но что останется на его месте? Это роман-трагедия о связи поколений, о долге и любви, о том, что даже в самой тёмной системе есть место для света. Для тех, кто помнит, куда уходят провода.

© Арысов И., 2026

© Автор, 2026

Искандер Арысов

Телеграфный столб

Пролог. Столб

В начале был столб. Не слово, не дело, не свет. Столб.

Он стоял везде — на перекрёстках, вдоль железных дорог, у края обрывов, на вершинах холмов. Он соединял миры, которые не должны были встретиться, и разделял тех, кому следовало быть вместе. Он был немым свидетелем всего, что люди говорят, когда думают, что их никто не слышит. Через его железные жилы текла информация — голоса, крики, шёпоты, мольбы, приказы. Он был нервной системой цивилизации, её позвоночником, её памятью.

А потом столбы стали ненужными. Их заменили волны, спутники, оптоволокно. Но столбы остались. Они стояли, ржавея, покрываясь мхом и объявлениями, как старые солдаты, забытые в окопах. И только те, кто знал тайну, продолжали смотреть на них с трепетом. Потому что настоящая связь никогда не умирает — она просто уходит в тень.

30 июля 1996 года. Москва. Кремль.

День был душным, даже для июля. Воздух висел над Москвой, как мокрое полотенце, и пахло от него асфальтом, нагретым солнцем, и бензином от бесконечных машин, которые ползли по Садовому кольцу. В кабинете на третьем этаже старого здания было прохладно — кондиционер работал на полную мощность, и его гул смешивался с шелестом бумаг и приглушёнными голосами чиновников. На столе лежал указ за номером 1113. Его текст был сухим, официальным, как приговор, хотя он должен был стать освобождением.

«Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции — Интерпола».

Пять строк. Пять строк, которые меняли всё. Россия, только что пережившая распад, хаос, кровь и слёзы, протягивала руку миру. Миру, который не очень-то ждал её. Но она протягивала.

У окна стоял человек в генеральской форме. Высокий, сутулый, с сединой на висках. Ему было сорок два года, но он выглядел старше — его глаза были такими же серыми, как у его маленького сына, которого он оставил дома, чтобы быть здесь. Леонид Любарский знал, что этот указ — лишь верхушка айсберга. Под ним — нечто большее. Нечто, о чём не писали в газетах и не говорили по телевизору.

Россия вступала в Интерпол не для того, чтобы ловить преступников. Вступала для того, чтобы получить доступ к каналам, о которых знали только избранные. К «Телеграфному столбу». Старой, ещё довоенной системе связи, которая позволяла передавать информацию вне официальных протоколов. Нацисты использовали её, чтобы координировать свои полицейские силы по всей Европе. После войны американцы перехватили её, но не уничтожили — они поняли, что такой инструмент не должен пропадать. И теперь, пятьдесят лет спустя, она стала теневым правительством мирового правопорядка. И Россия хотела стать его частью.

Леонид смотрел на Кремлёвскую стену, на башни, на красные звёзды, которые горели даже днём, и думал о своей семье. О жене, которая осталась дома с пятилетним Ипполитом. О том, что он, возможно, не вернётся сегодня ночевать — ему предстояло лететь в Лион, на секретную встречу с руководителями «Столба». Он знал, что это опасно. Знал, что может не вернуться. Но он был офицером разведки, и долг для него значил больше, чем жизнь.

Он вспомнил утро, когда уходил из дома. Ипполит стоял в коридоре, сжимая в руке старого плюшевого мишку, и смотрел на отца своими серыми глазами. «Папа, ты придёшь?» — спросил он. Леонид присел на корточки, обнял сына, поцеловал в макушку. «Я приду, сынок. Я тебе шоколадку принесу». Он не принёс. И не пришёл. Через два года его жена умрёт, а сын

окажется в интернате. Леонид будет знать об этом, но уже не сможет вернуться — он станет частью машины, которая не отпускает.

Но в тот день, 30 июля 1996 года, он ещё не знал этого. Он стоял у окна и смотрел на Москву, на её купола и небоскрёбы, на её реки и площади, на её бесконечную боль, которая только начинала затихать. И думал о том, что столбы, которые он видел вдоль дорог, на самом деле — молчаливые свидетели истории. Они передавали не только электричество и телеграммы. Они передавали судьбы.

В то же время, в другом конце Москвы, на окраине, в коммунальной квартире с запахом щей и старой мебели, сидела женщина с пепельными волосами. Её звали Ольга — жена Леонида, мать Ипполита. Она смотрела в окно, где за стеклом стоял старый телеграфный столб, расшатанный и наклонённый, покрытый объявлениями и выцветшей краской. Она смотрела на этот столб и знала, что он — символ чего-то, чего она не понимает. Муж часто говорил о «связи», о «каналах», о «миссии». Но она чувствовала, что он уходит от неё, как уходят поезда в ночь — без предупреждения, без билета.

Она прижала к себе маленького Ипполита, который сидел у неё на коленях и листал книжку с картинками. На одной из картинок был нарисован телеграфный столб с проводами, уходящими в небо. Ипполит показал пальцем и спросил: «Мама, а куда идут провода?»

— В небо, сынок, — ответила она. — Или ещё дальше.

— Дальше неба?

— Дальше — только звёзды.

Ипполит долго смотрел на картинку, потом перевернул страницу. Он не знал, что этот столб станет его судьбой. Что он будет искать его через всю свою жизнь, и что найдёт не столб, а тень — тень собственного отца.

Дверь кабинета открылась. Вошёл адъютант с папкой документов.

— Генерал, самолёт через три часа. Вас ждут в Лионе.

Леонид кивнул, взял папку, вышел из кабинета. По коридору он шёл медленно, чувствуя, как каждый шаг отдаляется от дома, от жены, от сына. Он знал, что, пересекая порог этого здания, он пересекает черту, за которой нет возврата. Но он шёл. Потому что был солдатом.

В аэропорту Шереметьево его встретил человек в гражданском костюме — плотный, с короткой стрижкой и пронзительными голубыми глазами. Он представился как «куратор от Интерпола». На самом деле это был один из операторов «Телеграфного столба». Они сели в самолёт, который летел в Париж, и всю дорогу говорили о протоколах, о шифрах, о том, как Россия вольётся в теневую сеть. Леонид слушал, но краем сознания он всё ещё был с семьёй. Он видел, как Ипполит стоит на пороге комнаты, сжимая мишку, и спрашивает: «Папа, ты придёшь?» Он хотел сказать «да», но слово застревало в горле.

В Лионе они вышли из самолёта и сели в чёрную машину, которая довезла их до здания Интерпола. Оно было серым, массивным, как крепость. Под землёй, на минус третьем этаже, стояли серверы «Столба» — старые, но мощные, с толстыми кабелями, которые шли неизвестно куда. Там, в холодном подвале, Леонид впервые увидел структуру, которой предстояло управлять его жизнью на четверть века.

— Это наш нервный центр, — сказал куратор. — Здесь проходят все неофициальные каналы. Отсюда мы контролируем полицейские операции, которые никто не должен знать. Ваша задача — интегрировать российские бюро в эту сеть. Начать обмен данными. Неофициальными.

Леонид стоял и смотрел на мигающие огоньки, на ряды серверов, на стойки с оборудованием, и понимал, что он теперь — часть этого. Часть машины, которая не знает жалости. Часть столба, который соединяет миры, но сам остаётся одиноким.

А в Москве, в ту ночь, Ольга не спала. Она сидела у окна и смотрела на телеграфный столб, который стоял во дворе. Луна висела над ним, и провода отбрасывали тонкие тени на

асфальт. Ипполит спал в соседней комнате, и она слышала его дыхание — ровное, детское, беззаботное. Она знала, что муж не вернётся. По крайней мере, не таким, каким ушёл. Она чувствовала это так же, как чувствуют приближение бури.

Она подошла к столу, взяла лист бумаги и написала письмо. Своему мужу. Сыну. Себе. Она написала:

«Мы все стоим на столбах. Только одни держат небо, а другие — только свои плечи. Ты выбрал небо. Я выбрала землю. Пусть мы встретимся там, где столбы не нужны»

Она положила письмо в конверт и спрятала его в книгу на полке. Эта книга будет стоять там многие годы, и Ипполит найдёт её, когда будет разбирать вещи после смерти матери. Он прочитает письмо, но не поймёт его до конца — до того дня, когда сам станет частью столба.

А пока столб стоял. И ждал.

Самолёт Леонида взлетел над Лионом, и он смотрел в иллюминатор на удаляющийся город, на реку Рону, на огни, которые мерцали в ночи. Он думал о том, что «Телеграфный столб» — это не просто система связи. Это метафора. Столб соединяет верх и низ, небо и землю, жизнь и смерть. Он держит провода, по которым течёт информация, но сам он — деревянный или железный — неподвижен, нем, одинок. Он стоит там, где его поставили, и принимает на себя удар молнии, ветер, дождь. Так и люди — они становятся столбами для других, неся тяжесть их секретов, их боли, их надежд.

Леонид знал, что его сын вырастет и, возможно, тоже станет столбом. Может быть, они встретятся у одного столба — старого, покосившегося, того самого, который стоял у интерната, где будет расти Ипполит. Или у другого, в Лионе, или в Бангкоке, или в Москве. Но встреча будет. И тогда они поймут, что столбы не разделяют — они соединяют, даже если кажется, что между ними целая вечность.

Прошло тридцать лет. Столбы по-прежнему стояли, хотя провода на них давно не использовались. Они стали артефактами, музейными экспонатами, предметами ностальгии. Но те, кто знал тайну, продолжали смотреть на них с трепетом. Потому что под землёй, глубоко, в старых кабелях, ещё бежала информация. Ещё работала система. Ещё «Телеграфный столб» передавал свои сигналы.

И один человек — молодой, с серыми глазами, гениальный компьютерщик, сирота, мститель — собирался разрушить этот столб. Сделать так, чтобы его никогда не было. Чтобы он перестал быть тюрьмой и стал просто деревом, или просто железом, или просто памятью.

Этот человек — Ипполит Любарский, «Чайковский» — пока не знал, что столб, который он хочет повалить, уже давно стал частью его самого. Что, уничтожив его, он уничтожит и часть себя. Но он был готов. Потому что иногда, чтобы стать свободным, нужно сжечь свой прошлый дом.

Так начиналась история. История о столбе, который держал мир, о человеке, который хотел его разрушить, и о правде, которая была тяжелее любого наказания.

А теперь — первая глава. Глава о том, как всё началось. Свет в кабинете 317, папка «Отец» и три монитора, на которых горела одна-единственная фраза:

«Телеграфный столб».

Глава первая. Столб

Сентябрь 2026 года. Москва. НЦБ Интерпола.

Свет в кабинете Ипполита Любарского горел круглые сутки. Коллеги давно перестали замечать это обстоятельство, как перестают замечать тиканье часов или гул вентиляции. Сменялись дежурные смены, уходили и приходили начальники, увольнялись сотрудники, рождались дети, умирали старики, а в кабинете 317 на седьмом этаже всегда было светло. Ипполит говорил, что темнота мешает думать. На самом деле он боялся темноты с пяти лет — с той

ночи, когда отец ушел, и хлопнула дверь, а мать долго стояла у окна, и свет уличного фонаря вырезал из мрака ее силуэт, покачивающийся, как маятник. Он запомнил этот силуэт на всю жизнь. Запомнил так, как запоминают формулу Эйнштейна или таблицу Менделеева — на уровне структурной памяти, которая не стирается даже под давлением лет.

Теперь Ипполит сидел перед тремя мониторами, и свет от них падал на его лицо так, что оно казалось вылепленным из воска. Двадцать семь лет. Молодо, слишком молодо для такой должности. Но за плечами был красный диплом Бауманки, кандидатская по квантовой криптографии, три патента на алгоритмы шифрования и та самая кличка «Чайковский», которую ему дали в университете — за умение так виртуозно «дирижировать» массивами данных, что любой хаос превращался в стройную симфонию. На первом курсе он взломал университетскую базу оценок за три часа, просто чтобы посмотреть, как устроена система. На втором — написал программу, которая предсказывала расписание экзаменов с точностью до дня, опираясь на анализ движения преподавателей по кампусу. На третьем — его заметили сотрудники ФСБ, приходили, предлагали работу. Ипполит отказался. Сказал, что хочет закончить учёбу. На самом деле он уже тогда знал, куда пойдёт — туда, где можно легально получать доступ к международным базам данных. В Интерпол.

Но настоящая его симфония была не здесь. Настоящая симфония пряталась в папке, которую он никогда не закрывал, даже когда в кабинет заходили начальники. Папка называлась просто — «Отец». И состояла из тысячи двухсот трёх страниц распечаток, фотографий, схем, копий запросов, расшифровок и личных записок. Ипполит вёл это досье три года, и каждый новый файл добавлял в его душу ещё один слой бетона. Он не собирался останавливаться.

На центральном мониторе сейчас был развёрнут очередной запрос по линии Интерпола. Какая-то мелочь: запрос из Тайваня о кибермошеннике, использующем российские прокси-серверы. Ипполит щёлкал по клавиатуре, пробивал IP-адреса, строил цепочки транзакций, и всё это делалось на автомате, потому что главное его внимание было приковано к левому монитору, где шёл анализ данных, собранных за последние три года. Там, в глубине массивов чисел, в хаосе битов и байтов, он искал один-единственный паттерн — шифр «Телеграфный столб». Это было кодовое название, которое он выудил из архива НЦБ за 1998 год — случайная пометка на полях старого дела о контрабанде оружия. С тех пор он встречал это сочетание слов ещё семь раз. Всегда в контексте странных международных операций, где фигурировали люди без прошлого и без будущего. И везде — его отец.

Он нашёл отца через год после того, как устроился в Интерпол.

В детстве Ипполит представлял встречу иначе. Он будет стоять над могилой матери — маленький холмик на Хованском кладбище, где она лежит одна, потому что даже на смертном одре она просила не тревожить «его», не звонить, не писать. «Он выполнил свой долг, — сказала мать за две недели до того, как её сердце остановилось. — У него были другие приказы». Ипполит не понял тогда. Не понял, что за «другие приказы» могут быть важнее, чем жена и пятилетний сын. Она умирала от рака, но врачи говорили, что болезнь началась после того, как она перестала бороться. Она просто перестала хотеть жить. Ипполит помнил, как она смотрела в стену, как её руки лежали на одеяле неподвижно, как пахло лекарствами и увяданием. Он сидел рядом, ему было семь лет, и он уже тогда знал, что должен быть сильным. Он держал её за руку и не плакал. Он запомнил этот холод — холод пальцев, которые уже не могли сжаться в ответ. А когда она умерла, он пошёл в школьный туалет и рыдал там так, что охранник пришёл проверить, не случилось ли чего. Случилось. Случилось самое страшное, что может случиться с ребёнком — он остался один.

В интернате мальчишки дразнили его «безотцовщиной». Он дрался. Он дрался жестоко, не щадя себя, и воспитатели уже через год перестали его трогать. Однажды, в пятом классе, старшеклассник толкнул его в столовой, и Ипполит разбил тому нос металлической ложкой. Его поставили на учёт, вызвали комиссию, но он только молчал и смотрел в пол. Он знал,

что любой проступок — это ещё один день ненависти, и он копил эту ненависть, как копят деньги на чёрный день. Он замкнулся в себе, в книгах, в математике, в языках. К шестнадцати годам он говорил на четырёх языках — английском, французском, немецком и немного на китайском. Учителя говорили, что у мальчика не просто голова — компьютер. Они не знали, что настоящим компьютером стал весь мир, который Ипполит выучил, как выучивают карту вражеской территории. Он наносил на неё точки, линии, стрелки. Главная стрелка вела к отцу.

Но он не просто учился. Он жил в мире, где каждая мелочь была артефактом. Запах дешёвого интернатского одеколona, которым воспитатели поливали умывальники, чтобы заглушить запах сырости. Звук шагов по коридору в час ночи — старшая пионервожатая проверяла, все ли спят. Вкус каши с комками, которую он научился проглатывать, не жуя. Холодные батареи, от которых нельзя было согреться даже под двумя одеялами. И главное — тишина. Тишина, в которой он слышал только свой собственный голос. Он научился разговаривать сам с собой — на языках, которые учил. Он переводил учебники по физике на французский, потом на немецкий, потом обратно. Это был его способ выжить. Его способ не сойти с ума.

Он нашел отца в восемнадцать лет. Обычный поиск в открытых источниках, доступный любому школьнику. Генерал-майор ФСБ в отставке, Леонид Любарский, место жительства — Московская область, посёлок Горки-10. Ипполит приехал туда в день своего рождения, приехал с твёрдым намерением сказать всё, что накопилось за тринадцать лет. Он представлял эту сцену тысячу раз — он стоит перед отцом, высоким, седым, с орденскими планками на кителе, и говорит: «Ты убил мою мать. Ты бросил меня. Ты не имеешь права называться человеком». И отец будет молчать. Или оправдываться. Или просить прощения. Ипполит не знал, что именно он хочет услышать, но он знал, что должен это сделать.

Он нашёл дом — двухэтажный особняк за высоким забором, с коваными воротами и камерами видеонаблюдения. Он стоял у калитки и смотрел на эти камеры. Наверное, отец уже знал, что он здесь. Может быть, даже видел его на экране монитора. Но дверь не открывалась. Ипполит позвонил. Прошла минута, две. Потом калитка щёлкнула и открылась. На пороге стояла женщина — молодая, красивая, с двумя детьми — мальчиком и девочкой лет пяти-шести. У них были те же глаза, что и у него. Серые, с искорками. Глаза Любарских.

— Вам кого? — спросила женщина. Она улыбалась, но в голосе была настороженность.

Ипполит смотрел на детей. На мальчика, который держал за руку сестру. На их чистые лица, на их новую одежду, на их счастливые глаза. На ту самую свободу, которой у него не было. На ту самую жизнь, которую он должен был прожить, но не прожил.

— Простите, ошибся, — сказал он и ушёл.

Он прошёл сто метров, потом двести, потом сел на автобусную остановку и заплакал. Он не плакал с семи лет. И вот теперь — слёзы текли по его щекам, и он не мог их остановить. Он плакал от злости. От бессилия. От того, что отец даже не вышел посмотреть на него. Не захотел. Не посчитал нужным.

В тот вечер он пил в первый раз. Купил бутылку дешёвого портвейна, сел на лавочку в парке и пил, пока не перестал чувствовать вкус. А потом понял, что просто найти отца недостаточно. Нужно его уничтожить. Нужно сделать так, чтобы тот испытал ту же боль, что и он. Но как уничтожить человека, которого защищает государство? У которого есть связи, деньги, власть? Ипполит знал только один язык — язык данных. И он решил, что станет лучшим в этом языке. Он станет тем, кто может найти любого, даже если тот спрятался за семью замками.

Он пошёл в академию. Он пошёл в Интерпол.

Теперь, восемь лет спустя, он сидел перед мониторами и понимал, что его детская мечта о мести была смешной и наивной. Потому что отец был не просто генералом в отставке. Отец был функцией. Частью системы. Ипполит нашёл следы его пребывания в сорока трёх странах — от Аргентины до Японии, от ЮАР до Исландии. Он был везде. И нигде. Каждый раз — новое

имя, новое прикрытие, новая легенда. Но неизменным оставалось одно — все эти поездки были связаны с Интерполом.

Ипполит начал понимать это только в прошлом году, когда получил доступ к закрытым архивам национальных бюро. Он увидел, как в 90-е годы, после вступления России в Интерпол, пошла волна странных запросов. Люди исчезали, появлялись, меняли фамилии. И везде в документах мелькал один и тот же шифр — «Телеграфный столб».

Что такое «Телеграфный столб»? Ипполит перерыл все доступные базы. В открытых источниках — ничего. В закрытых — только намёки. Он нашёл старую доктрину Интерпола, изданную в 1946 году, сразу после войны. Там, в приложении, была ссылка на «международный телеграфный протокол» — систему обмена информацией между полицейскими силами союзников. Но в тридцатых годах, когда Интерполом руководил Рейнхард Гейдрих, этот протокол использовали для передачи списков «нежелательных лиц» — евреев, коммунистов, цыган. Сейчас эту строку в биографии Интерпола стыдливо замалчивают, но Ипполит знал. Он видел архивы. Он читал протоколы совещаний, где Гейдрих лично утверждал списки на арест. И эти списки передавались через «телеграфные столбы» — специальные пункты связи, которые были установлены в каждой стране-участнице.

После войны «телеграфные столбы» официально упразднили, но, как понял Ипполит, они никуда не делись. Они просто сменили название. И теперь, спустя восемь десятилетий, его отец был частью этой системы. Возможно, даже её ключевым элементом.

Но зачем? Для чего нужна такая структура сегодня, в эпоху интернета и спутниковой связи? Ипполит пытался понять логику. Он построил граф связей, нанёс на карту все места, где его отец появлялся за последние десять лет. И увидел закономерность: каждый раз, когда в какой-то стране происходила смена власти, когда менялись приоритеты Интерпола, когда избирали нового генерального секретаря — его отец оказывался там. Не на публичных мероприятиях, нет. Он встречался с людьми за закрытыми дверями, в отелях, в частных резиденциях. Он передавал что-то. Или получал.

Ипполит попытался вычислить, что именно. Он взломал личный аккаунт отца в облачном хранилище (это заняло три недели, но он справился). Там были тысячи файлов — фотографии, документы, карты. Но все они были зашифрованы. Не современным шифром, а чем-то архаичным, похожим на код «Энигмы». Ипполит потратил два месяца на расшифровку, и когда ему это почти удалось, файлы самоуничтожились. Он сидел и смотрел на пустой экран, чувствуя, как внутри него закипает новая волна ненависти. Отец знал, что за ним следят. И готовился.

Но Ипполит не сдался. Он нашёл другие пути. Он начал следить за перемещениями денег — криптовалютных транзакций, которые проходили через счета, связанные с отцом. И здесь он нашёл нечто удивительное: деньги уходили не в Россию и не на Запад. Они уходили в страны Юго-Восточной Азии, в Африку, в Латинскую Америку. Там, где полицейские системы были слабы, а коррупция — сильна. Там, где можно было купить всё.

Однажды, в прошлом году, он наткнулся на запись телефонного разговора, который перехватила разведка США (он получил её через нелегальный канал от знакомого хакера). В разговоре участвовали двое — его отец и человек, которого называли «Смотритель». Голос «Смотрителя» был изменён, но Ипполит узнал интонации — это был один из высокопоставленных чиновников Интерпола. Они говорили о «чистке». О том, что нужно убрать «неблагонадёжные элементы» из некоторых национальных бюро. И о «Телеграфном столбе» как о главном инструменте. «Столб должен стоять, — сказал отец. — Если он упадёт, рухнет всё».

Ипполит переслушивал эту запись сотни раз. Что значит «рухнет всё»? Вся система Интерпола? Международная полицейская кооперация? Или что-то большее? Может быть, «Телеграфный столб» — это не просто система связи, а механизм контроля. Механизм, кото-

рый позволяет горстке людей управлять глобальными процессами, используя полицейские структуры как прикрытие.

Он поделился этими мыслями с единственным человеком, которому доверял, — своим старым университетским другом, Сашей Петровым, который теперь работал в ФСБ. Саша выслушал, потом долго молчал, а затем сказал: «Ипполит, ты съешь голову в осиное гнездо. Твой отец — не просто генерал. Он — один из тех, кто строил эту систему после развала СССР. Он знает всё. И если ты продолжишь, тебя убьют. Не по-глупому — тихо, аккуратно, без следа».

Ипполит тогда не послушал. И сейчас не слушает. Он знал, что правда стоит того, чтобы рискнуть.

— Ипполит, ты ещё здесь?

Он вздрогнул. В дверях стоял начальник отдела, полковник Соколов. Он смотрел на него с той смесью уважения и беспокойства, с которой обычно смотрят на гениев — бояться спугнуть. Соколов был высоким, сутулым мужчиной лет пятидесяти, с прокуренными усами и вечно прищуренными глазами. Он работал в Интерполе со дня основания российского НЦБ, помнил ещё Игнатова и Овчинского, любил повторять, что «раньше трава была зеленее, а преступники — честнее». Ипполит относился к нему с симпатией, хотя и скрывал от него большую часть своей тайной работы.

— Заканчиваю, Иван Петрович, — ответил Ипполит, не отрываясь от экрана. — Через десять минут всё будет готово.

— Не десять, а сейчас. Иди домой, Чайковский. Ты уже третью ночь не спишь. Мне не нужен труп гения на рабочем месте. Завтра в десять совещание с китайцами. Новый запрос по киберпреступности. Подготовь статистику по прокси-серверам.

— Будет.

Соколов постоял у двери, посмотрел на папку «Отец», которая лежала на столе открытой, но не сказал ни слова. Он давно заметил, что у Ипполита есть личный проект, но предпочитал не лезть — в конце концов, все сотрудники НЦБ имеют право на частную жизнь. Если бы он только знал, что этот проект угрожает безопасности всей структуры.

Дверь закрылась. Ипполит снова повернулся к монитору. На правом экране горел текст доктрины Интерпола, которую он перечитывал уже сотню раз. «Запрещается любое вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера».

Он усмехнулся. Эти слова были написаны кровью. Буквально. Тот же Интерпол, который сейчас гордо именовал себя «самой старой международной организацией», в тридцатых годах возглавлял Рейнхард Гейдрих. Человек, который строил конвейеры смерти. И сейчас, почти через сто лет, они снова пытаются делать вид, что политики не существует. Но Ипполит знал правду. Он видел её в файлах, которые были помечены грифом «Хранить вечно». Видел в шифрах, которые не могли расшифровать даже его алгоритмы. Видел в том, как его отец — Леонид Любарский — оказывался в нужное время в нужном месте, чтобы что-то сделать. Или кого-то убрать.

Но что? Что было целью?

Он открыл очередной файл. Сингапур, 2003 год. Его отец — под видом бизнес-консультанта — встречается с человеком, который через три года станет президентом Интерпола. Через месяц после встречи у этого человека умирает жена. Несчастный случай. Ещё через месяц — он выходит из игры, передаёт пост другому. В официальной версии — проблемы со здоровьем. Ипполит пробил медицинские документы — у того человека была лёгкая форма диабета, но ничего серьёзного. Он проверил смерть жены — официально инфаркт, но в отчёте патологоанатома было странное примечание: «следы инъекции неизвестного вещества». Ипполит долго искал, кто мог сделать эту инъекцию, и вышел на человека, который работал в сингапурской клинике. Тот через год погиб в автокатастрофе. Все нити вели в никуда.

Ипполит пробил по базам — тот самый бывший президент Интерпола до сих пор жив. Живёт в Швейцарии. На пенсии. Ипполит уже трижды пытался написать ему письмо, используя старые каналы связи, которые он нашёл в архивах. Но ответа не было. И не будет. Ипполит знал, что этот человек — свидетель, но свидетель, который дал подписку о неразглашении. Или, возможно, его держат на коротком поводке. У него есть семья, дети, внуки. Ипполит мог бы попытаться шантажировать, но он не был шантажистом. Он был собирателем данных.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Запах — он снова ощутил тот запах, который преследовал его всё детство. Запах дешёвого интернатского одеколona, который воспитатели лили в умывальники. Запах каши с комками. Запах сырости в спальне, где на двадцать мальчишек было две батареи. А потом — запах могилы. Мать умерла в феврале. Земля была мёрзлой, и гроб опускали с трудом. Ипполит стоял у могилы один. Из родственников — никого. Из друзей — тоже. Только воспитательница, которая приехала с ним, стояла в стороне и курила, поглядывая на часы. Она хотела поскорее уехать, потому что её ждал ужин и телевизор. Ипполит помнил, как он смотрел на комья земли, которые падали на крышку гроба, и думал: «Мама, я не прощу его. Я обещаю».

Он тогда поклялся. Он будет сильным. Он будет умным. Он найдёт того, кто виноват. Но сейчас, сидя в кабинете 317, он начал понимать, что не виноват никто. Или все. Или есть что-то большее, что движет людьми, как шахматными фигурами. И его отец — всего лишь пешка. Очень важная пешка, но всё же пешка. Пешка, которая может стать ферзём, если дойдёт до конца доски. Но доска — это весь мир. И правила пишутся по ходу игры.

Он открыл глаза. На центральном мониторе моргнуло уведомление. Новый запрос из Лиона. Ипполит щёлкнул мышкой и замер.

«Телеграфный столб. Активность зафиксирована. Бангкок. 28.09.2026. Координаты: 13.7365° N, 100.5560° E. Время: 22:47 UTC. Тип операции: передача пакета. Маршрут: неизвестен. Приоритет: максимальный. Код доступа: альфа-четыре-семь-девять-ноль».

Сердце забилось быстрее. Он снова нашёл его. Отца. Или его след. Но на этот раз было что-то иное. Внизу, под координатами, стояла пометка, сделанная красным шрифтом, — такого он никогда не видел.

«Код "Тишина". Немедленное уничтожение всех следов. Инициатор: высшее руководство Генерального секретариата. Санкция: постановление № 776-К от 12.09.2026».

Ипполит нажал на пометку. Экран погас. Погасли все три монитора. Он попытался перезагрузить систему — ничего. Потом понял: это был не сбой. Кто-то дистанционно стёр все файлы, связанные с «Телеграфным столбом». Только что. Пока он смотрел на экран. Это была автоматическая система самоуничтожения — триггер сработал, как только он открыл уведомление. Кто-то в Лионе знал, что он следит. Или, что ещё страшнее, эта система была настроена на его IP-адрес.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом — Москва, вечерняя, огни, пробки, миллионы людей, которые не знают, что за их спинами идут игры, в которых ставки — жизни. Он смотрел на огни, на бесконечную ленту машин, на светящиеся окна домов, и думал: сколько из этих людей — тоже часть системы? Сколько из них — агенты, курьеры, информаторы? Может быть, его сосед в соседнем доме, или женщина, которая продаёт цветы у метро, или таксист, который везёт его на работу, — все они связаны одной сетью.

Ипполит посмотрел на своё отражение в стекле. Чайковский. Гениальный дирижёр данных. А на самом деле — мальчик, который так и не смог простить отца. Мальчик, который думал, что месть принесёт облегчение. Но вместо мести он нашёл только новые вопросы. Теперь он знал, что отец не просто сбежал — он выполнял приказ. Но чей? И какой ценой?

Он вернулся к столу, выдвинул нижний ящик и достал папку «Отец». Внутри — сотни распечаток, фотографий, схем. Он брал это всё из офиса, копировал, прятал. За три года у него набралось материалов на целое расследование. И каждый раз, когда ему казалось, что он близок

к разгадке, появлялся кто-то — или что-то — что стирало все следы. Но он не переставал. Он знал, что где-то есть слабое место. Где-то в этой огромной системе есть люк.

Он перелистнул страницы. Вот фотография, сделанная в аэропорту Франкфурта. Отец — в чёрном костюме, с дипломатом, выходит из зоны прилёта. Рядом — мужчина в форме полиции. Ипполит долго выяснял, кто это. Оказалось — глава немецкого НЦБ. Они встречались в тот же день, когда была подписана какая-то секретная директива. Что в ней было — неизвестно. Но через месяц после этой встречи в Германии провели серию арестов. Тридцать два человека. Все — русские. Официальная версия: шпионская сеть. Неофициальная — кто-то передал списки.

Ипполит тогда впервые понял, что его отец работает не на Россию. Или не только на Россию. Он работает на кого-то более могущественного. На того, кому не нужны границы. Кому нужен порядок — любой ценой.

Он закрыл папку и задумался. Что, если всё это — начиная с его ухода, с смерти матери, с его детства в интернате — не случайность? Что, если он — тоже функция? Часть системы, которую он пока не может разглядеть целиком? Может быть, отец знал, что его сын станет айтишником в Интерполе. Может быть, он специально оставил следы, чтобы Ипполит нашёл их. Но зачем? Чтобы проверить его? Или чтобы втянуть в игру?

Он сел за стол и запустил систему заново. Мониторы загорелись. На центральном — запрос от китайцев. На правом — доктрина Интерпола. На левом — пустота. Там, где только что были координаты из Бангкока, теперь был только чёрный фон. Но Ипполит знал, что запомнил их. Он всегда запоминал. С пяти лет он запоминал всё, что видит и слышит. Это был его дар. Его проклятие. Он мысленно воспроизвел координаты: 13.7365° N, 100.5560° E. Он знал это место — отель в центре Бангкока, недалеко от посольства США. Там часто проходят встречи дипломатов. И полицейских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.